

ВОЛШЕБНЫЙ СОН РЕБЕНКА И ТАНЦУЮЩАЯ КИКИМОРА В ПЕРВОМ СКРИПИЧНОМ КОНЦЕРТЕ СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА

MAGICAL CHILD'S DREAM AND DANCING KIKIMORA IN THE VIOLIN CONCERT № 1 OF SERGEY PROKOFIEV

ЛОМАНОВИЧ ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА
LOMANOVICH VALENTINA VIKTOROVNA

музыкант, скрипач, педагог (Нидерланды)
musician, violinist, teacher (Netherlands)

Ключевые слова: концерт, скрипка, солист, оркестр, Прокофьев, Кикимора, штрихи, звукотворчество.
Keywords: concert, violin, soloist, orchestra, Prokofiev, Kikimora, touch, sound-creation.

Аннотация. В статье представлен авторский взгляд на образное содержание скрипичного концерта Сергея Прокофьева. Автор раскрывает такие грани методической работы над партией солиста в классе скрипки, которые позволяют во взаимосвязи с поэтическим словом находить яркие и точные музыкально-смысловые решения и преодолевать технические трудности в опоре на метафорическое прочтение звукообразов композитора.

Annotation. The article presents the author's view to the evocative content of concert № 1 by Sergey Prokofiev. The author shows sides of methodological work on the soloist music, which allow to find bright and exact music decisions and overcome technical difficulties on the basis of the composer's sound images metaphorical reading.

Когда-то, очень много лет назад, и на моем нотном пульте появился этот бесподобный концерт. Работала я над ним с большим интересом. Он заинтриговал меня прежде всего тем, что новый и яркий музыкальный язык совершенно не хотел запоминаться наизусть. Это было первое произведение, которое я УЧИЛА наизусть. Также отчетливо помню, долго учила знаменитую четырнадцатую цифру, где смычок, совершенно запутанный непредсказуемыми акцентами и неудобной сменой струн, упорно не выдавал качественный звук в скачущем спиккато.

Однажды в компании друзей, музыкантов и не музыкантов, я поделилась своими «творческими планами» и пожаловалась на то, что Концерт Прокофьева идет трудно. Кто-то сказал: «А, это тот, который с волшебным сном ребенка?». Я, честно сказать, даже не поняла, что это высказывание относилось ко мне. Какой еще сон ребенка? Я же про спиккато говорила, а не про детей. Да и к тому же, эти слова сказал один провинциальный журналист, мнение которого, как не музыканта, меня совершенно не интересовало. Где ему было понять заботы скрипачей и их взаимоотношения с разнообразными штрихами, двойными нотами, вибрацией и прочими скрипичными премудростями.

Но, как оказалось, слова его не стерлись из памяти, не отодвинулись в тень высказываний более практических и полезных о весе руки, игровой точке, пружине смычка...

© Ломанович В. В., 2019

И вот Концерт опять передо мной, побывавший в более или менее опытных руках моих разнообразных студентов, которые точно так же, как и я сражались с четырнадцатой цифрой и жаловались... Нет, не на то, что у них спиккато не получалось, а на то, что образ Кикиморы не вырисовывался в побочной партии. Какая еще Кикимора? У Прокофьева ничего не написано про эту Даму! Откуда она вообще взялась?

Вот тут и начинается моя музыкально-педагогическая фантазия на объявленную в заглавии тему.

Премьера Первого скрипичного Концерта Сергея Прокофьева была объявлена на октябрь семнадцатого года в Петрограде. Сольную партию должен был исполнить скрипач Павел Коханьский. Ясно, что премьера не состоялась, потому что история организовала для петроградцев представление, куда более впечатляющее: октябрьскую Революцию, и Концерт, с его скрипками и арфами должен был дожидаться своего часа еще пять лет. Он был впервые исполнен в Париже восемнадцатого октября 1923 года. Солировал французский скрипач Марсель Дарье, оркестром дирижировал Сергей Кусевицкий. В СССР Концерт был исполнен 21 октября того же года скрипачом Натаном Мильштейном и пианистом Владимиром Горовицем (без оркестра). Как вы догадываетесь, эта информация, которую совсем не трудно найти в наш невероятный век информационных технологий, интересна, как и все, что связано с этим необычайным композитором. Но для того, чтобы наладить диалог с автором, который был бы плодотворным для нас как исполнителей, одних скудных, хоть и важных фактов недостаточно. Надо искать и другие источники, информация из которых помогла бы нам установить невидимую, но прочную связь с автором.

Прокофьев был ярким и публичным человеком. В широком круге его знакомств были личности значительные в мире музыки, литературы, живописи, философии, театра. Он сотрудничал со знаменитым антрепренером Сергеем Дягилевым, в антрепризе которого содружество всех искусств было основным принципом. Ясно, что одной скрипичной партии нам будет недостаточно для того, чтобы этот Концерт стал событием и для нас, и для наших слушателей.

В моей папке с завязками, куда я складывала все, что было каким-то образом связано с этим концертом, есть много стихотворений. Помня слова провинциального журналиста, я стала собирать стихи, которые могли бы создать ту волшебную атмосферу начала Концерта, когда над едва слышным шорохом оркестра полетела в заколдованную страну снов невесомая бесконечная мелодия солирующей скрипки.

Сначала появилась изумительная и точная лирика Федора Тютчева:

И море, и буря качали наш челн,
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликались ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал ОГЛУШЕН,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, ВОЛШЕБНО-НЕМОЙ,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир,
Земля зеленела, СВЕТИЛСЯ ЭФИР,

Сады-лабиринты, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
ЗРЕЛ ТВАРЕЙ ВОЛШЕБНЫХ,
ТАИНСТВЕННЫХ ПТИЦ,
По высям творенья, как бог, я шагал —
И мир подо мною НЕДВИЖНО СИАЛ.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И В ТИХУЮ ОБЛАСТЬ
ВИДЕНИЙ И СНОВ
Врывалась пена ревущих валов

Вслед за Тютчевским шедевром появилось стихотворение Алексея Константиновича Толстого:

ТУМАН встает на дне стремнины,
Среди полуночной ПРОХЛАДЫ
СИЛЬНЕЕ ПАХНЕТ ДИКИЙ ТМИН,
Гремят слышнее водопады.
Как ОСЛЕПИТЕЛЬНА луна!
Как гор очерчены вершины.
В СРЕБРИСТОМ сумраке видна
Внизу Байдарская долина.
Над нами СВЕТЯТ небеса,
Чернеет бездна перед нами,
ДРОЖИТ БЛЕСТЯЩАЯ РОСА
На листьях КРУПНЫМИ СЛЕЗАМИ ...
ДУШЕ ЛЕГКО. Не слышу я
Оков земного бытия.
НЕТ МЕСТА СТРАХУ, ни надежде —
Что будет впредь, что было прежде —
Мне все равно — и что меня

Всегда как цепь к земле тянуло,
ИСЧЕЗЛО ВСЕ С ТРЕВОГОЙ ДНЯ,
Все в лунном блеске потонуло.
Куда же мысль унесена?
Что ей так видится дремливо?
Не средь волшебного ли сна
Мы едем вместе вдоль обрыва?
Ты ль это, робости полна,
Ко мне прижалась молчаливо?
Ужель я вижу не во сне,
Как звезды блещут в вышине,
Как конь ступает осторожно,
Как дышит грудь твоя тревожно?
Иль при обманчивой луне
Меня лишь дразнит призрак ложный,
И это сон? О, если б мне
ПРОСНУТЬСЯ БЫЛО НЕВОЗМОЖНО!

Концерт в последнее время очень «помолодел». Традиционно его играли в консерваториях, сейчас же его часто можно встретить и в музыкальных училищах. Поэтические «декорации» потребовали небольшого переосмотра, ключевое слово должно было быть изменено: не СОН ребенка, а сон РЕБЕНКА, и в моей поэтической коллекции появилось вот такое, например, стихотворение, его сочинила Елена Туктарова:

В жизни у каждого есть Королевство:
Имя ему — Златокрылое Детство,
В нем нескончаемый сказок рассказ
Бабушкин голос я слышу сейчас.
Хочешь у сказки в гостях побывать?
Месяц поможет ее отыскать,
В небе искрятся, мерцают тропинки,
Как маячок, светит звездочка-льдинка.
Следуй за нею, она поведет
Лунной дорожкой под небосвод,
Спустится тропка со звездных небес
Сразу в чарующий, сказочный лес.
Прямо под елкою, верьте-не верьте,

Зайка ушастый играет на флейте.
Рядышком рыжий лисенок — скрипач,
В смокинге жук по прозванью рогач,
Как дирижер, машет лапкой с травинкой!
Пляшет комар на листочке лезгинку,
В ярких кафтанах вокруг светлячки
Радужным светом горят огоньки.
Кружатся бабочки в платяницах бальных,
Сороконожки в ботинках хрустальных
Плавно вальсируют в мягкой траве.
Квакают нежно лягушки на пне,
Словно пытаясь пропеть ариозо (...)

Звучит немножко, как «Спокойной ночи, малыши», согласна, но, по-моему, это ближе к наивной и бесхитростной в своей целомудренности мелодии главной партии концерта, чем тревожащие душу шедевры наших классиков.

А вот еще одно стихотворение, написанное математиком, профессором Оксфордского университета Люисом Кэрролом:

Июльский полдень золотой
Сияет так светло,
В неловких маленьких руках
Упрямится весло,
И нас теченьем далеко
От дома унесло.
Безжалостные! В жаркий день,

В такой сонливый час,
Когда бы только подремать,
Не размыкая глаз,
Вы требуете, чтобы я
Придумывал рассказ.
И первая велит начать
Его без промедленья,

Вторая просит: «Поглупей
Пусть будут приключенья».
А Третья прерывает нас
Сто раз в одно мгновенье.
Но вот настала тишина,
И, будто бы во сне,
Неслышно девочка идет

По сказочной стране
И видит множество чудес
В подземной глубине.
Но ключ фантазии иссяк —
Не бьет его струя. —
Конец я после рассказа,
Даю вам слово я! —

Настало после! — мне кричит
Компания моя.
И тянется неспешно нить
Моей волшебной сказки,
К закату дело, наконец,
Доходит до развязки.
Идем домой. Вечерний луч

Смягчил дневные краски.
Алиса, сказку детских дней
Храни до седины
В том тайничке, где ты хранишь
Младенческие сны,
Как странник бережет цветок
Далеккой стороны.

Вскоре после этой прогулки на лодке по реке с зеленой от нависающих ив воде в огромном море и детских, и не детских книг появится и Чеширский Кот, и Черная Королева, и Шалтай-Болтай, и Мартовский Заяц, ну и конечно Алиса и много других очаровательных, но совсем не простых созданий.

В Оксфорде есть старинный паб «The Eagle and Child», где проходили в свое время собрания литературного кружка «Инклинги». Там любили бывать два друга: Клайв Кэррол и Толкиен, заслуженные и уважаемые профессора всемирно известного университета, подарившие человечеству «Хроники Нарнии» и «Властелина колец», бесспорные сокровища детской литературы. Но сколько вполне взрослых людей держат их на своих книжных полках среди любимых книг, перечитывая их регулярно, для того чтобы вернуть быстро утрачиваемые во взрослой жизни главные человеческие качества: искренность, правдивость, любопытство, человечность, простоту, честность, смелость, способность бескорыстно любить и дружить.

И все-таки не пронзительная печаль многоопытности Тютчева, а лисенок-скрипач и заяц, играющий на флейте в сияющем мире главной партии Концерта возрождают в уставших от грохота жизни слушателях редко появляющуюся в нашей жизни эмоцию УМИЛЕНИЯ, умиротворения Души.

Но сказка на то и есть сказка, чтобы ожидать чудес, и они не заставляют себя ждать.

Полет закончился, зашевелились тени, кто-то быстренько проскакал на неуклюжих лапках ... и появилась ОНА... Вот отсюда поподробнее.

Большинство учащихся играют главную партию Концерта красиво и убедительно, но побочная практически у всех вызывает оторопь. По традиции все ожидают появления второй темы, которая будет катализатором действия. Но, порывшись в копилке своего исполнительского опыта, многие скрипачи не могут найти ничего подобного, что могло бы каким-то образом идентифицировать образ, сочиненный Прокофьевым. Композитор дал всего две подсказки: *piano* и *recitativo*. Время от времени появляются редкие «вилочки», точки, акценты, форшлаги. Но если даже вы все точно выполните, то все равно ни за что не догадаетесь, КОГО вы играете. Если пороетесь в интернете, то вам подкинут «идеи» звукового хулиганства Прокофьева, его любви эпатировать публику, закидывать ее резкими, неудобоваримыми ритмами, едкими гармониями. Но образа нигде не найдете.

Да кто же это встречает приземлившегося на волшебную землю путешественника в стране снов?

Сначала давайте найдем несколько описательных прилагательных для этой чудной мелодии, которые просто придут нам на ум: осторожная, наблюдающая, непредсказуемая, любопытная, экстравагантная, резкая, грациозная, танцующая, пугливая, элегантная, смешная, уродливая, желающая понравиться...

Впрочем, я давно уже все подсказала. Это наша русская Кикимора, и все характеристики, которые мы заметили в ее музыке, действительно ей подходят. Что мы можем еще узнать интересного о кикиморах? В стихотворении Валентина Лебедева она, например, еще и деловая и изобретательная:

У Кикиморы болотной
Летним днем одни заботы:
То среди грибов в горошек
И замшелых старых пней
комаров и всяких мошек
Сосчитать охота ей,
То наделать в пнях кадушек
То осоку потрясти,
То послушать хор лягушек,
Побаюкать мух в горсти.
Подразнить кусачих ос,

С камышей стряхнуть стрекоз,
Погонять кустом крапивы
Белых бабочек игривых.
Паукам на паутину
Набросать листов осины,
В красных каплях клюквы кислой
Для улитки путь расчистить.
Потревожить муравейник,
Шишку сбросить на репейник,
Нащипать коры с березы,
С лопухов слизнуть все слезы

После дождичка слепого,
Бога воинства грибного ...
С одуванчиковых шапок
Запустить десант в полет,
Для стрекочущих лошадок
Нацедить цветочный мед,
Оседлать сороконожку,
Поскакать на ней немножко
Между зарослей густых
И с разгону в топь — бултых!
(...)

Существо женского пола, со всеми вышеуказанными качествами характера, первой оказалась на нашем пути. Всех остальных мы видели с большой высоты и толком не разглядели, упиваясь неслышанными кульби-тами ПОЛЕТА.

Кикимора нас хорошо и внимательно разглядела, но ее кто-то спугнул,

...и она в панике бултыхнулась в свое вполне предсказуемое болото.

Еле слышно прозвучали отголоски сна, в которых с трудом узнается квартный затакт главной партии. Прокофьев любил проставлять редкие и точные образные характеристики, как *sognando* в начале концерта. Вот здесь бы я написала: «с любопытством, насвистывая».

Но насвистывать мы будем недолго. Цифра 13. Узнаете? Но играть ЭТО надо громко и выразительно. А что выражаем? Ведь это же главная партия Концерта. Но что же с ней случилось? А это проделки нашей Кикиморы. Честно сказать, не хотелось бы верить в то, что пишут о ней знатоки русского фольклора. Хотелось бы, чтобы она такой и осталась, какой мы ее встретили: уродливую и грациозную, разговорчивую и наблюдательную. Самое оскорбительное — это то, что она принадлежит к весьма своеобразной компании сказочных персонажей под названием: НЕЖИТЬ. По рангу ей не полагается иметь лицо, она может прикинуться кем угодно. А уж на какие только пакости она ни способна: красть детей, бить посуду, запутывать шерсть у хозяек, дразнить и пугать домашних животных. В Концерте она взялась издеваться над светлой, беззащитной и нежной главной партией, превратив ее в разодранные клочья, и вдобавок, свою метку поставила. Ясно для того, чтобы никто не сомневался, что это ее рук дело. В шестнадцатой цифре в оркестре появляется тот, кто спугнул ее при первом появлении, тоже из компании нечисти. Мы не знаем, кто из них шпарил на балалайке, а кто издевался над главной партией, отчаянно горлая ее, всем видом показывая, мол, хотели волшебного сна? ПОЛУЧИТЕ!

Есть в замечательной детской книге норвежского писателя Роальда Даля «Ведьмы» один эпизод. На ежегодном собрании всех ведьм Англии ждали выступления Главной Ведьмы. Наконец, она появилась. Все обыкновенные ведьмы были покорены ее изяществом, миниатюрностью и красотой. Но это восхищение длилось недолго, до первого вполне безобидного вопроса из зала. Сам звук чужого голоса, а не ее собственного, вверг ее в дикую ярость. Ловким движением она сорвала с себя то, что вообще-то было ее прекрасным личиком, то есть маску, и на трясущихся от страха ведьм (хотя это довольно трудно представить) глянуло что-то, от чего даже у них кровь застыла в жилах. А уж что она сотворила с неосторожной ведьмой, лучше и не знать.

Но, к счастью, в русских сказках нет УЖАСА, есть морок, коварство, разгул, глумление, обман, глупость, но вот такой жути — нет. Поэтому разбушевавшаяся парочка как-то неожиданно исчезла. Без следа. И сияющая в узорах скрипки главная партия у флейты благополучно вернулась, живая и невредимая.

Ну а теперь вернемся на землю, в скрипичный класс. Даже если вы слышите весь Концерт в мельчайших подробностях своим внутренним слухом, нет гарантии, что ваш смычок выдаст вам по первому требованию и сияющий звук, и восторги парения в главной партии. А уж Кикимора (или уж кто там вместо нее) часто выходит просто страшной, милитаризованной, грубой и тупой. У штриха спиккато, как у того серого, тоже есть пятьдесят оттенков. А положила руку на сердце, признаемся себе, используем ли мы хотя бы пять? А ведь надо и грациозно, и пугливо, и льстиво... уметь сыграть. Это загадочное спиккато, как баховский штрих, которым, считается, как отмычкой, можно открыть все двери в баховской музыке — он разный и им надо играть конкретную музыку с конкретным образом.

И вторая часть Концерта многократно усложняет эту задачу. Скрипачи играют множество этюдов, как бы для развития техники, которой они воспользуются в будущем в своем звукотворчестве, вырисовывая своими смычками многочисленных героев изучаемых произведений. А учились ли они вырисовывать стаю летящих бесят, кувыркающихся в воздухе, весело переругивающихся друг с другом, дергая друг друга за бесовские хвосты? Покажите мне эти этюды! Я уверена — их просто нет. А образность есть. Кроме веселящихся бесенят есть еще выделяющаяся нечисть и уж совсем не скерцозные чудища, «понтительно» ощеривающиеся на нас. Какой-то мчащийся на всех парах паровоз влетел по ошибке в мельтешащий клубок резвящейся нежити, пригрозил, сам того испугавшись, осторожно гудком. А они черной стаей, смешавшись с черным дымом ничего не понимающего паровоза, покружились над ним и ИСЧЕЗЛИ без следа.

Наверное, все-таки стоило поехать от страха, потому что третья часть, собственно, и есть Волшебная Страна, и ради того, чтобы в ней оказаться, можно пережить и не такие страсти.

Пожурил кого-то дружелюбно старик-фагот, дал последние указания. Не спеша, птица вспорхнула на ветку и ЗАПЕЛА свою волшебную песню, приветствуя добравшихся до Заветной Страны.

Завершив ее, она опустилась на тропинку и вприпрыжку, напевая что-то типа «тра-ля-ля, динь-динь», отправилась вперед, увлекая за собой изумленных путешественников.

Allegro moderato.

V. I
pp *For.*
p
V. II
mp
cresc.

45

Запели огромные морские раковины, их голос был слышен издали. А птица все вела людей, что-то полклевывая время от времени. А вскоре распахнулась перед ними такая голубая бездна, что дыхание на мгновение остановилось...

В 2009 году на экраны вышел фильм Кэмерона «Аватар». Там есть эпизод, в котором голубая девушка показывает главному герою свою невероятную страну. Не удивлюсь, если режиссер этого фильма с утра до ночи слушал третью часть Концерта и не мог противиться этому звуковому гипнозу.

Большинство чудес в этом концерте творит оркестр. Это вообще очень интересная тема: взаимоотношения солиста и оркестра. В концертах Вивальди оркестр поддерживал с любовью и пониманием своего друга — солиста, беспрекословно признавая его превосходство над собой. В концертах композиторов французской скрипичной школы оркестр выстраивал декорации и деликатно наблюдал, как солист в этих декорациях себя проявит.

В концертах Моцарта оркестр подбрасывал мечтающему о любви композитору новые идеи, развлекал и утешал его в любовных фантазиях.

Оркестр в Концерте Сергея Прокофьева неотделим от солиста, они все вместе разыгрывают роли, главные и второстепенные, не менее важные и необходимые для развития ДЕЙСТВА. Все закончилось так, как написала в своем стихотворении Елена Туктарова:

Добрый и ласковый,
Полный любви,
Бабушкин голос стихает вдали...

Мелодия сна из первой части переплелась с порханием волшебной птицы из третьей и исчезла в переливающихся завитках флейты.

